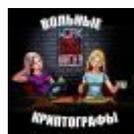

Его вечный пир / He Feasts Forever (рассказ)

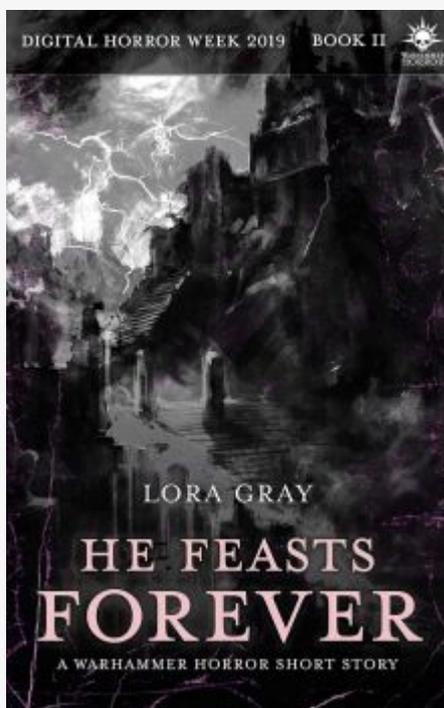
Перевод коллектива "[Вольные Криптографы](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Вольные Криптографы". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Его вечный пир / He Feasts Forever
(рассказ)

Автор	Лора Грей / Lora Gray
Переводчик	Ри
Редактор	Сумеречный Суп
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Чары / Invocations
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Огонь ревел в печах королевской кухни. Тушки ягнят шипели на вертелах, кожа на их маленьких тельцах была настолько тонкой, что просвечивалась. Поросята, чьи глотки и рты были нашпигованы чесноком и тимьяном, прожаривались на решётках высоко над углями. Соусы вскипали на медленном огне. Мясное рагу бурлило в горшочках. В этом туманном полумраке сладковатого дыма, в хаосе звуков рубки, криков, смеха и ругани работали повара.

И другого места, где предпочёл бы сейчас находиться Дедрик, не было.

Улыбаясь, он нарезал гусиную печень и складывал её на поднос, мясник по имени Майло помогал ему с этим, когда дверь в кухню распахнулась, и в комнату ворвался свежий воздух и свет.

В дверной проём неуклюже, словно грозовая туча, ввалился Ходж, с его плеч свисал олень, чьи молодые рога бились о дверной косяк, а сломанная шея безвольно вращалась. Несмотря на то, что свет вырывался из-за спины Ходжа, Дедрик был способен увидеть раздражённость на нетерпеливом лице брата. Тревожная тишина на мгновение окутала пространство. Ходж, возможно, и являлся фаворитом короля в охоте, но его характер был настолько скверен, насколько он сам меток. Негласным правилом было то, что он приносил добычу рано утром, когда все, кроме Ходжа или какого-нибудь другого несчастного повара ещё спали.

Майло толкнул локтем Дедрика в бок:

— Узнай лучше, что ему нужно, — прошептал мясник, — пока Старый Полдрейк не взъелся на него.

Дедрик кинул взгляд через плечо на главную жаровню, около которой стоял, скрестив руки, Старый Полдрейк. Он насупился и выпятил грудь, буравя взглядом Ходжа через задымленную кухню. Вот уже несколько месяцев король возглавлял свои армии, отстаивал честь и славу королевства. Старый Полдрейк был намерен сделать всё, чтобы победоносное возвращение запомнилось надолго. Он пристально следил за действиями каждого повара, дотошно высчитывал время приготовления блюд. В его планы появление Ходжа не входило, да и Старый Полдрейк был настолько же вспыльчив, как и Ходж, в особенности, если привычный порядок в его кухне нарушался.

Драка между ними не принесла бы никакой пользы.

Дедрик неуверенно поднял руку. Взгляд старика проскользнул между ним и братом. Фыркнув, Старый Полдрейк неохотно кивнул Дедрику и крикнул всем, чтобы шли заниматься работой.

Мокрая и пухлая гусиная печень соскользнула с пальцев на поднос, когда Дедрик, бормоча извинения себе под нос, вставал. Майло же просто пожал плечами, продолжая нарезать остатки. Это был далеко не первый раз, когда Дедрику приходилось вмешиваться и разбираться со своим старшим братом.

Вытирая руки о фартук, он пробежал через всю кухню, попутно обогнув парочку поваров, очищающих плитку от кровавых пятен перед дверью. Снаружи сквозь аметистовое небо пробивались слабые солнечные лучи. Дедрик прищурился, закрывая за собой дверь.

Без предисловий Ходж хмыкнул и двинулся вперёд, чтобы передать мёртвого оленя:

— К празднику.

Дедрик сделал шаг назад и покачал головой:

— Нет.

Выражение лица Ходжа стало жёстче. Этот взгляд был хорошо известен Дедрику. Он означал точный выстрел. Или пощёчину. Или удар кулаком в живот.

— Кладовая забита, Ходж, — быстро начал Дедрик ломающимся голосом. — Ни в коптильне, ни на самой кухне свободного места нет. Старый Полдрейк с нами от зари до зари. Никто не сможет приготовить этого оленя как следует.

Ходж лишь усмехнулся, прижав Дедрика к закрытой двери, ведущей в кухню. Он был на одну голову выше и вдвое шире брата, его спина загородила солнечный свет, когда он медленно наклонился к нему. Голова мёртвого оленя качнулась рядом с ними, сильный запах окровавленного меха душил Дедрика подобно влажному одеялу. Он мельком видел своё съёжившееся у двери отражение. Зрачок чернильного цвета следил за каждым тревожным движением его плеч.

— Найди тогда время, братишка, — ответил Ходж. — Знаешь, где я буду сидеть на пиру?

Дедрик оторвал свой взгляд от глаза оленя и покачал головой.

— Может быть, я буду сидеть по правую руку от Его Величества, — он ухмыльнулся, но отталкивающий изгиб его губ испортил шутку. — Возможно он подарит мне кубок королевского вина. Королевского. Вина. Дедрик, — Ходж тыкал пальцем между глаз Дедрика, словно подчеркивая каждое слово, — ты вообще когда-нибудь видел королевское вино? Красное, как кровь. Сладкое и тёмное. Это будет моей наградой за верность и службу королевству. Когда король в последний раз предлагал тебе кубок с королевским вином?

— Н-никогда?

— Правильно. Никогда. А всё потому, что я лучший охотник короля. А кто ты? Поварёнок. Так что иди и выполняй свою работу — готовь, — Ходж бесцеремонно швырнул оленя в руки Дедрику, и тот качнулся назад под весом туши. Его брат в это время развернулся и удалился прочь.

Дедрик посмотрел на тяжёлого, словно ребенок, мёртвого оленя со свернутой шеей и кремовым мехом. Рот животного был приоткрыт, а по розовому язычку ползала муха. Глаза были мертвы и холодны.

Поваренок старался не думать о том, как его встретят на кухне, когда заходил внутрь.

Было далеко за полночь, когда Дедрик внезапно проснулся. Шум дневной кухни сменил одинокий лязг металла. Несколько самых маленьких повара жарили мясо на вертелах. Он едва ли мог слышать их сонное бормотание с противоположной стороны комнаты, где находился.

Свежевание оленя заняло намного больше времени, чем он ожидал. И к тому моменту, как он закончил все поручения Старого Полдрейка, Дедрик уже сидел с полуприкрытыми глазами и зевал. Но всё-таки он не собирался продолжать спать. Смущаясь, он быстро встал из-за угла, куда обессилено упал накануне; но повара были на достаточном расстоянии от него, и, казалось, ничего не заметили.

Глубоко вздохнув, Дедрик вернулся на своё рабочее место.

Разделав тушу оленя, он замариновал самые лакомые куски, чтобы мясо стало мягким. Как только он вдохнул аромат, из уголков его рта потекла слюна. Он даже подумывал о том, чтобы сделать зельц, но

это было бы слишком самонадеянно, учитывая малый запас времени. Он повертел отрубленную голову оленя в своих руках, кусок позвонка проскользнул по разделочной доске. Как лучше всего отварить голову, чтобы мясо было мягким? Как лучше выскрести язык и вырезать щёки? Но каждый раз, когда Дедрику приходилось ловить на себе взгляд липкого и влажного от крови оленя, воздух казался слишком тяжёлым для дыхания.

Дедрик подавил нахлынувшую волну беспокойства и покачал головой, направляясь к маленькому очагу, над которым варился бульон из костей. Он вдохнул запах костного мозга вперемешку с гвоздикой, и в этот же момент понял, что находится на своём рабочем месте не один.

В тени между костром и разделочной прятался маленький мальчик. Дедрик остолбенел, на мгновение ему показалось, что сновидения цепляются за границы его измученного сознания. Но нет, бледная фигура определённо принадлежала мальчику. Он прижимал свои тощие коленки к груди, запрокинув голову вверх. Тёмные и блестящие глаза мальчика напоминали глаза мёртвого оленя, он буравил Дедрика пристальным немигающим взглядом так, что последнему пришлось бороться с желанием попятиться назад.

Дедрик встряхнулся. Он работал сверх нормы, и его воображение явно разыгралось. Это был всего лишь маленький мальчик. Какой вред он может нанести?

— Ты один из поварят? — спросил Дедрик. — Ты не должен находиться здесь без присмотра.

Мальчик и глазом не повёл.

Живот Дедрика скрутило, волосы на затылке встали дыбом. На мгновение в горле пересохло:

— Как тебя зовут?

Мальчик продолжал просто смотреть, Дедрик ощутил, как эти широкие и бездонные глаза, просверливали в нём дыры, заставляя оглянуться. Ни один ребёнок на свете не должен был обладать такими глазами. Дикими глазами. Глазами животного.

Дедрик быстро встал и демонстративно отряхнул фартук, пытаясь убедить себя в том, что он не настолько взволнован, насколько на самом деле был. Перед ним сидел обычный мальчик. Всего лишь мальчик:

— Тогда, скорее всего, мне придется сбежать за Старым Полдрейком. Он терпеть не может, когда без его разрешения дети бегают по кухне. Вот последний, кто...

— Разве ты не помнишь меня? — голос заскользил по Дедрику подобно холодному сквозняку в проветриваемой комнате.

Дедрик справился с дрожью в теле и, откашлявшись, продолжил:

— Должно быть, ты один из новых поварят? Хотя не припоминаю, чтобы я встречал тебя раньше.

Глаза мальчика сузились:

— Встречал.

Дедрик убеждал себя, что злоба на лице мальчика была простой игрой света:

— Где?

— На Восточной Дороге.

Дедрик нахмурился:

— На Восточной Дороге?

Бульон из костей внезапно забурлил, и Дедрик быстро перемешал содержимое. Раздался тихий стук ударов костей о чугуны.

Мальчик вздрогнул, на мгновение его взгляд метнулся к котлу, и он прижал коленки ещё ближе к туловищу:

— Там была вся моя семья, — произнёс он. — Моя мама. Мой отец. Моя сестра.

— Ты пришёл сюда учиться?

— Нет, — голос мальчика надломился, когда он посмотрел на голову оленя на разделочной доске. Тёмные немигающие глаза буравили, вглядывались в другие тёмные немигающие глаза, — Я заблудился.

Дедрик крепко сжал ложку в руке:

— Надо сказать старику Полдрейку. Вполне возможно, что он знает, где твоя семья...

Мальчик медленно перевёл свой взгляд на Дедрика, и да, его лицо источало злобу, острую, как нож:

— Они мертвы. Они погибли на Восточной Дороге. Ты разве не помнишь?

— Я никогда не ездил той дорогой. Да и причин покидать замок у меня не было.

Здесь, в окружении своих друзей и прекрасного хаоса пиров, знакомых запахов и звуков, Дедрик был совершенно счастлив. Здесь ему было уютно. Здесь был его дом.

Но там, где-то на окраинах его мыслей, поселилось воспоминание о размытой Золотой Дороге, протянувшейся перед ним. Это было всего лишь туманное марево. Он не мог вспомнить никаких деталей. Он понял, что не помнит своего прошлого до того, как попал сюда. В памяти только этот замок. Эта кухня. И нет ничего кроме них.

Дедрику показалось, что комната вокруг него рассыпается. Пол задрожал под его ногами. Его лоб и носогубная складка покрылись испариной. Он чувствовал себя липким. Больным. И этот мальчик смотрел на него, покачиваясь в такт ложке, которой Дедрик продолжал помешивать костный бульон. Туда-сюда. Туда-сюда.

— Дедрик!

Дедрик настолько сильно вздрогнул, что ложка выскользнула из его рук. Бульон брызнул на угли, огонь вспыхнул и зашипел. Один из мальчиков-поварят наконец-то заметил его с противоположной стороны комнаты. Дедрик почти ничего не слышал, кроме стука собственного сердца в ушах.

— Это тот олень, которого убил твой брат? — спросил у него мальчик, следящий за вертелом. — Я слышал, что он хорош. Собираешься его пожарить?

— Да, — голос Дедрика всё ещё дрожал, несмотря на то, что он пытался это скрыть. Он собрался было спросить, не знает ли кто-то что-нибудь о странном осиротевшем мальчике в тени между кухней и

разделочной, но обернувшись, Дедрик понял, что мальчика и след простыл.

Дедрик собирал травы на окраине поля, где двор плавно переходил в пустошь, как внезапно увидел своего брата, выходящего из лесу. Он недолго смотрел на него, не решаясь окликнуть, но всё-таки:

— Ходж!

— Чего тебе? — выкрикнул Ходж и развернулся, чтобы посмотреть на Дедрика, стоявшего на противоположном конце серого поля, за которым возвышался замок.

Дедрик был уверен, что брат видел его силуэт сквозь высокую траву. Рука Ходжа крепче сжала лук, тогда повараёнок понял, что охотник не намерен разговаривать. Его колчан был полон, и он явно направлялся на охоту.

Но любопытство взяло верх. Он должен был знать. Весь день его преследовали воспоминания о странном мальчике. Куда он подевался? Он следил за ним? Паранойя волнами захлестывала Дедрика, мир вокруг исказили его собственные иллюзии. Ему казалось, что орёл, круживший над головой, сосредоточился на нём, словно стервятник на гниющем мясе. Розмарин в ладони был похож на пригоршню ногтей. Фенхель превратился в костяную стружку, а листья, гладкие листья остальных трав казались оголенным мозгом.

И каждая тень в округе обладала парой тёмных немигающих глаз, их шёпот о Восточной Дороге Дедрик запомнил.

К сожалению, он не мог вспомнить ничего больше — ни как попал в этот замок, ни что было до этого. Словно занавес опустился на его воспоминания, и ему ни за что на свете не заглянуть за него. Остались только смутные размытые воспоминания о золотой дороге.

Тот странный мальчик говорил довольно убедительно, когда настаивал на том, что они встретились там.

Дедрик набрался смелости и поднялся, прижимая сумку к своей груди подобно щиту. Он посмотрел на брата через серое поле:

— Ты помнишь, как мы оказались в королевском замке? — спросил Дедрик. — Мы пришли сюда по Восточной Дороге?

На шее Ходжа опасно натянулись сухожилия, он стиснул зубы и процедил:

— Возвращайся к своим сорнякам, братишка. Мне нужно работать, — с этими словами он закинул колчан на плечо и, развернувшись, продолжил свой путь к лесу.

— Я помню золотую дорогу, — продолжил Дедрик дрожащим голосом, — только её и помню, но больше ничего. Ничего, кроме этого замка — ни детства, ни семьи. Разве что помню тебя.

Раздражение Ходжа вырвалось наружу. Он развернулся и быстро зашагал к брату.

Дедрик вздрогнул и медленно попятился назад, его голос стал совсем тихим:

— Мы же не могли оставаться здесь вечно. Где наш отец? Где наша мать? В наших жизнях безусловно есть что-то кроме этого места.

Ходж набросился на него так быстро, что Дедрик и среагировать не успел. Охотник схватил повара за запястье и вывернул руку за спину, прежде чем схватить за шею свободной рукой. Он заставил тело брата опуститься, а затем дернул его голову вверх.

Занавес в голове Дедрика обрушился вниз. Воспоминания пронеслись перед глазами: когтистая рука на затылке; она впивается в кожу; золотая дорога раскинулась вокруг него. Кто-то разрывает его челюсти. Стойкий запах крови вокруг. Раздался пронзительный и рваный крик. Бледные фигуры толпились вокруг него. Это не люди. Чудовища открывают свои рты, пытаются запихнуть в них сырое мясо. Дедрик стиснул зубы, но между ними просочилась кровь, заполнившая его рот и горло. Он поперхнулся и напрягся. Кровь хлынула по его губам, а длинная вена соскользнула с подбородка. На землю, рядом с человеческой рукой, упал кусок сырого мяса. Только стук сердца Дедрика помог ему вынырнуть из кошмарного марева.

— Сюда смотри! — Ходж крепче вывернул его руку.

Он больше не был на золотой дороге, он был в поле, и его брат заставил его смотреть на королевский замок, темнеющий на фоне аметистового неба. — Чего же тебе ещё надо? — прорычал Ходж на ухо Дедрику. — Ты хочешь мне сказать, что Его Светлость недостаточно для тебя хорош? Может, ты предпочел бы быть в другом месте?

— Нет, — прошептал Дедрик, и его глаза наполнились слезами то ли от злобной хватки брата, то ли от тех внезапных, ледящих душу воспоминаний. Он сам не знал.

Ходж безжалостно сжал шею брата, продолжая выворачивать ему руку до тех пор, пока боль не пронзила глаза:

— Не слышу.

— Нет!

Ходж оттолкнул Дедрика, тот споткнулся и, потеряв равновесие, упал на четвереньки. Собранные им травы рассыпались по высоким сорнякам. Розмарин. Тимьян. Кости. Ногти. Высокий серый бурьян. Красная, как вино, земля внизу. Красная, как кровь. Дедрик зажмурился и попытался остановить подступающую тошноту.

— Я фаворит короля, Дедрик, — Ходж оскалился и прищурился, — Если я ещё раз услышу, что ты неуважительно относишься к тому, что нам дал Его Светлость, я отрежу тебе язык, неблагодарная маленькая тварь.

Ходж развернулся, подняв плечи, и быстрым шагом направился через всё поле к лесу.

Затаив дыхание, Дедрик смотрел ему вслед. На мгновение он увидел страх в глазах своего брата. В его голосе проскользнула паника, которая не имела никакого отношения к тому, что Дедрик мог пошатнуть положение любимого королевского охотника.

Он знал. Ужасная уверенность в том, что Ходж тоже не мог вспомнить, как они попали в замок, свернулась у него в животе подобно кислому молоку.

Повар вернулся в замок ночью. Воспоминания о золотой дороге поглотили его. Вкус сырой плоти, казалось, прилип к его нёбу, он даже не смог собрать все необходимые травы. Его сумка была наполовину пуста. Сильнее натянув капюшон плаща на лицо, Дедрик попытался сконцентрироваться на тех травах, которые удалось найти до захода солнца. Он не хотел думать о сухожилиях, застревающих в щелях между зубами и о густой реке крови, которая стекала по горлу.

Он открыл дверь в странном образом опустевшую кухню. Костры не горели, но едва потрескивали.

Везде было тихо.

Только недалеко от изуродованных останков оленя Ходжа стоял тот самый странный мальчик. Тот ужасный мальчик, вытянувший из головы Дедрика воспоминания о Восточной Дороге. Тот мальчик, которому вообще нечего было делать на кухне. Он стоял у очага неподвижно, словно камень, опустив руку в кипящий бульон из костей.

— Убирайся оттуда! — Дедрик бросился вперёд. Мальчик сжигал себя! Варил себя! Портил бульон!

Прежде чем Дедрик успел убрать руку мальчика из котелка, тот отстранился. Его плоть была целой и невредимой. Рука оказалась сухой. Он шагнул к другой стороне очага, его глаза оставались спокойными и яростными.

Повар схватил с полки ложку и отчаянно начал перемешивать бульон, словно каким-то образом он смог бы его очистить. Кости всплыли на поверхность, но бедренная кость казалась слишком длинной и толстой для оленьей ноги. Где копыта? Вместо этого в бульоне плавали плоские лодыжки и... запястья? Костяшки пальцев? Человеческие пальцы?

Дедрик развернулся к мальчику:

— Что же ты наделал?

Мальчик даже не пошевелился:

— Что я наделал? — его губы скривились, и Дедрик вовсе не был уверен, улыбается он или рычит. — Или же что *ты* наделал?

Стены кухни, казалось, расширились, толстые камни пульсировали от жара, а воздух снова стал густым, словно пудинг.

Мальчик подошёл ближе:

— Мы ехали по Восточной Дороге, — прохрипел он, — к дяде в гости. Остановились на ночлег. Я ушел искать ежевику для матери и сестры на ужин. Она была любимой ягодой моей сестры. А когда я вернулся, то увидел тебя.

Желудок Дедрика забурлил так же, как и бульон в этом тяжелом котле. Казалось, сама кухня вытягивала пот и добавляла его к своей собственной ужасной духоте. Впервые за всю жизнь повару попросту не хотелось находиться на этой кухне. Ему хотелось бежать, но как бы он ни старался, взгляд от мальчика отвести не удавалось.

— Ты там был, — произнёс мальчик. — Ты и другие монстры.

Нет.

Нет.

— Ты разорвал моего отца пополам, — продолжил мальчик. — Сначала я увидел его ноги, ботинки были съедены вместе с пальцами. Руки моей матери были продеты сквозь спицы колёс подобно ленточкам. Её голову я нашел в сорняках. Кто-то откусил ей губы. Волосы моей сестры были разбросаны вокруг тебя, а они кормили тебя её плотью.

Дедрик покачал головой, но воспоминания пробивались сквозь кухонный жар. Он стоял на ковре из

светлых волос, и золотая дорога протянулась во все стороны. Бледные руки, длинные пальцы похожие больше на когти, фигуры, напоминающие людей. Монстры держали его. Гули. Это слово возникло в разуме с такой ясностью, что Дедрик схватился за голову. Гули широко растягивали ему челюсти, вдавливая плоть этой девушки в рот. Он не хотел этого. Он не хотел становиться одним из них. Не хотел быть монстром, но уже чувствовал хрящи у себя во рту. Он наблюдал за тем, как вздымается её живот, когда они вырывают ей ногу, и подобно тому, как рвётся канат, мышцы срываются с кости бедра. Он вспомнил и тяжело дышащего Ходжа рядом, чей желудок был под завязку набит человеческой плотью.

— Я пытался тебя остановить, — шёпот мальчика раздался так близко, что Дедрику удалось почувствовать его холодное дыхание сквозь невыносимый жар кухни. — Я пытался тебя убить, но твой брат застрелил меня. Он выстрелил в меня из лука, словно в животное. А что сделал ты?

У Дедрика перехватило дыхание. Он перевёл взгляд на кастрюлю рядом с собой, на бульон и на кости, не принадлежавшие оленю. Дрожа, Дедрик посмотрел на разделочную доску, где оставил голову оленя. Но теперь там лежала голова мальчика. Его щеки обвисли, глаза выпучились из-под век как наполовину очищенные ягоды винограда — чёрные и не моргающие, как и у оленя. Ноги мальчика с вывихнутыми лодыжками обжаривались на вертеле, болтаясь туда-сюда.

Только сейчас Дедрик смог увидеть правду.

Это успокаивающая жара кухни Короля-Упыря и знакомый дым растворились, словно туман на рассвете. В комнате вдруг стало очень холодно. Стены, в которых он чувствовал себя надёжно, как в объятьях, оказались руинами. Очаги и жаровни, в которых должно было весело полыхать пламя, были ничем иным как грудями грязи и веток. Вертела представляли собой остатки ржавых мечей и колёс от повозок. На каждом из них вместо окороков и жирных куриных грудок Дедрик видел отрубленные человеческие руки, куски обнаженных торсов и треснувших рёбер, свисающих до пола. На разделочной доске то, что некогда было морковкой, превратилось в пальцы – ногтевые пластинки гнили, а личинки извивались вокруг кутикул. Корзина с луком превратилась в человеческие сердца, липкие и съезжившиеся. Почки и потроха, покрытые глазурью, были аккуратно разложены на ложе из разодранных пористых лёгких. Языки свисали с сушильной стойки словно скворечники. Вокруг них витал стойкий запах гниющего мяса.

Пульс Дедрика ускорился. Во рту пересохло. На одно безумное мгновение он подумал, что, если бы мог избавиться от этого ужасно упрямого мальчишки и вырезать его из своего существования, кошмар вокруг перестал бы быть явью. Дедрик вытащил ржавый меч из вертела и полоснул мальчика по животу. По груди. По безумному улыбающемуся лицу. Но с каждым ударом тело мальчика раздвигалось и собиралось воедино так же легко, как клуб пара.

Дедрик попятился назад, подальше от него, от очага и кошмарных приготовлений к пиру вокруг. Он прижал руки ко рту, пытаясь удержать ещё один приступ тошноты. Дух мальчика, тонкий и бесплотный подобно тени, самодовольно улыбнулся, исчезая. Дедрик развернулся и побежал прочь.

Он выскочил из кухни во двор, стараясь не обращать никакого внимания на то, что его тело стало больше. Были ли у него такие длинные руки? Был ли этот металлический привкус крови на задней части языка?

Замок навис над ним, но башни оказались немногим больше, чем кучки щебня, вздымающиеся над выжженным и бесплодным ландшафтом. Из кривой кучи выкопанных стволов деревьев вынырнул гуль, а потом ещё один и ещё. Голые черепа и неуклюжие плечи отражали лунный свет, а с зубов свисали куски

плоти. Их глаза были голодными.

— Что случилось? — спросил один из них. Дедрик узнал этот гулкий голос, хотя он был искажен и чудовищен, словно от голосовых связок остались лишь обрывки. Голос принадлежал Старому Полдрейку.

Рядом с ним стоял Майло, мясник и его друг. Майло наклонил голову вперед и протянул когтистую руку. — Всё ли в порядке, Дедрик? — спросил он. — Ты как-то неважно выглядишь.

Ноги Дедрика запутались, и он отполз в сторону. Он убежал в ночь. Прочь от замка и от кухни. Прочь от всех этих родных вещей, которые лишились своих чар. Подальше от духа этого мальчика и его тёмных немигающих глаз.

Дедрик бежал через кладбище, коим когда-то был двор. В ночном воздухе за ним тянулись погребальные песни. Он был уже на полпути к лесу, когда перед ним возник Ходж.

— Младший! — Заострённое и бледное лицо Ходжа казалось искажённым. Оно скорее принадлежало чудовищу, нежели человеку. Колчан был пуст. С его плеч свисало распотрошенное тело женщины, чья изуродованная шея раскачивалась туда-сюда. Мокрые от крови волосы падали на её лицо. Рана в животе зияла, словно кричащий рот.

Дедрик подавил в себе стон. Он повернулся, чтобы побежать прочь от своего брата и от замка Короля Гулей. От этой кухни. От своего дома.

— Куда это ты? — раздался за спиной голос Ходжа.

Дедрик не обернулся.

Рассвет наступал по мере приближения Дедрика к Восточной Дороге. Едва заметная луна спускалась вниз. В полумраке дорога казалась серой извилистой лентой.

Шатаясь со стороны в сторону, измученный Дедрик ступил на неё.

Он ожидал, что, либо Ходж, либо Старый Полдрейк, либо Майло последуют за ним через чёрный лес. Каждый раз, когда он терял контроль или спотыкался, он оглядывался через плечо в страхе увидеть их бледные, искаженные и смутно знакомые лица с чудовищно длинными челюстями и острыми зубами, с которых стекала кровь.

Но за ним никто не шёл.

Дедрик продолжал идти вперёд, страх управлял им подобно тяжёлому хлысту. Он был голоден. Его ноги дрожали, но он продолжал идти, прижимаясь к краю дороги. За подол его плаща цеплялись колючки, а шипы придорожных растений разрывали одежду.

Небо впереди начало светлеть, и на дороге появился странный золотистый свет. Он струился над невысоким крутым холмом то резко, то размыто, то ослепительно ясно. Дедрику потребовался один миг для понимания того, что луч света принадлежит фонарю, покачивающемуся высоко на повозке. В предрассветной тишине, по мере приближения повозки, Дедрик смог услышать скрип колёс, стук подкованных копыт и тихие тонкие голоса.

Человеческие голоса.

Первым порывом Дедрика было броситься к ним и позвать на помощь, чтобы кто-нибудь как можно скорее увёз его подальше от этого кошмарного замка. Туда, куда его измученные ноги его не донесут.

Но что же будет, если они не поверят ему?

Что если они подумают, что он монстр?

Дедрик старался не придавать значения бледности своих рук, натягивая капюшон так, чтобы скрыть своё лицо. Он пытался не думать о том, что его пальцы с невероятно острыми и длинными ногтями цеплялись за одежду, когда он спрятался в зарослях у дороги. Может быть, ему следовало оставаться в укрытии и не трогать повозку? Но ему некуда было идти, кроме той свалки из гниющей плоти и камня, которую он когда-то считал своим домом. И он не мог вернуться обратно.

Он продрог.

Он был голоден.

Он так сильно проголодался.

Экипаж подъехал ближе, и теперь он слышал голоса отчетливо. Мужчина. Женщина. И, как минимум, двое детей. Он мог видеть их лица, всплывавшие на поверхность, как клёцки в кастрюле.

И, о да.

О да, он чувствовал их запах. В этом утреннем и прохладном воздухе витал аромат жареного мяса, свежего и сладкого, как ягнята по весне, сочного, как нежные молочные поросятки, которых он очень осторожно помогал насаживать Майло на вертел около двух дней назад. У Дедрика потекли слюнки, а в животе заурчало. Он вышел на дорогу, натянув капюшон на своё лицо.

Лошадь вздрогнула и фыркнула, вскинув голову и брыкаясь, она отошла от Дедрика. Человек в упряжке чертыхнулся, потянув тугие поводья и крикнул:

— Эй! — он прищурился, вытаскивая из-за пояса кинжал и пытаясь разглядеть Дедрика:

— Кто идёт?

Женщина прижала к себе ребёнка:

— У нас нет золота.

Дедрик откашлялся:

— Я не собираюсь вас грабить, — его голос звучал болезненно и неровно.

Теперь, когда они были совсем близко, он мог разглядеть более чётко всё семейство. Руки мужчины были крепкими, как баранина. Грудь женщины была гладкой, словно брюшко варёного зайца. Из материнских объятий на него смотрела девочка, чьи щёки были нежными, словно кусочки откормленной телятины.

Дедрик с усилием сглотнул:

— Мне нужно в ближайший город.

— Мы едем в Мургаст, — ответил мужчина, поёрзав и обменявшись тревожным взглядом с женой. Его

рука крепче сжала рукоятку кинжала. — У нас нет привычки подбирать незнакомцев. По крайней мере, не просто так.

— У меня нет ни гроша, — протянул Дедрик.

Мужчина ухватился за поводья, готовясь объехать преграду, чтобы продолжить свой путь, но измученное тело Дедрика с удивительной быстротой и силой сделало шаг вперёд. Он ухватился за край повозки. Дерево заскрипело под его рукой.

— Я бы мог отработать проезд, — продолжил Дедрик, глядя на них. Свет фонаря весело плясал, как огонь в камине. Свет сдирал с них кожу. Голод сжал желудок Дедрика в кулак, и тот прерывисто вдохнул. Они пахли так хорошо. Так вкусно. Так восхитительно сладко.

Мужчина неуверенно посмотрел на незнакомца сверху вниз:

— И что ты предлагаешь?

Дедрик облизнул губы и приглушенно ответил:

— Я превосходно готовлю.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Его_вечный_пир_/_He_Feasts_Forever_\(рассказ\)&oldid=25596](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Его_вечный_пир_/_He_Feasts_Forever_(рассказ)&oldid=25596)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июля 2024 в 00:20.